

УДК 81'38: 81'42

Купорова В.В.

Московский государственный педагогический университет

**КОДОВАЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ЗАГОЛОВКАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ)**

V. Kuporova

Moscow Pedagogical State University

**CODE INTERTEXTUALITY IN HEADLINES (ON A MATERIAL
OF THE MODERN FRENCH NEWSPAPERS)**

Аннотация. В данной статье рассматривается явление кодовой интертекстуальности, которая обогащает содержание публицистического текста и увеличивает его цельность. В основе теории интертекстуальности лежат концепция диалогичности и теория речевых жанров М.М. Бахтина. Различают текстовую и кодовую интертекстуальность. Последняя получает неоднозначную трактовку у современных исследователей. На примере заголовков французских газет выделены и проанализированы два вида кодовых включений. В первую группу входят интексты, имитирующие стиль или жанр, отличный от стиля или жанра текста-реципиента. Ко второй группе относятся кодовые включения, содержащие иноязычные элементы трёх уровней разновидности: морфемные, лексические и синтаксические варваризмы.

Ключевые слова: целостность, интертекстуальность, интекст, речевой жанр, варваризм, заголовок.

Abstract. This article deals with the phenomenon of code intertextuality which enriches the content of newspaper texts and augments their integrity. The theory of intertextuality is based on M. Bakhtin's dialogism concept and the theory of speech genres. It is common for researchers to differentiate between textual and code intertextuality. The latter is differently interpreted by modern linguists. Two types of code inclusions are revealed and analyzed on the basis of French newspapers' headlines. The first group contains intexts imitating a style or genre different from the style or genre of the receiving text. The second group embraces code inclusions comprising foreign elements of three kinds of levels: morphemic, lexical and syntactical barbarisms.

Key words: integrity, intertextuality, intext, speech genre, barbarism, headline.

Любой текст может быть рассмотрен в аспекте цельности, суть которой заключается в том, что значение целого (текста) не равно сумме смыслов его частей. Цельность именуется, в том числе, *семантической неаддитивностью* или *сверхсемантивностью*. Названный критерий позволяет выделить две группы текстов: 1) тексты, равные простой сумме смыслов (опись имущества, меню, школьное расписание и т. п.); 2) тексты с неаддитивной цельностью [6, 65]. В отечественной лингвистике ко второй группе относятся преимущественно художественные тексты, но мы полагаем, и это подтверждается проведённым нами исследованием, что публицистические тексты также обладают цельностью.

Интертекстуальность, понимаемая как «ассоциативная интеракция текстов» (если использовать в качестве опоры теории Ю. Кристевой, Ж. Женетта, М. Риффатера) [7, 41], нарушает цельность текста, наблюдается «взрыв линейности» (Л. Женни). Для её восстановления необходимо отыскать связи, соотнести элементы друг с другом, иными словами, провести интертекстуальный анализ. Сходным образом осуществляется анализ художественного текста, в частности, в рамках теории источников, на принципиальном отличии которой от интертекстуальности настаивали Ю. Кристева и Р. Барт. Теория источников «позволяет восстановить

генезис произведения», довольствуясь индивидуальной памятью (исследователя), но «именно глубины коллективной, безличной памяти сообщают тексту его интертекстуальность» [8, 73-76]. Благодаря существованию этой национальной культурной памяти мы в повседневной жизни, часто не задумываясь об этом, разгадываем интертекстуальные загадки, связываем ниточки смысла.

Акцентируя смыслопорождающую функцию, И.П. Смирнов и вслед за ним Н.А. Фатеева, предлагают понятие «конструктивной интертекстуальности». Их мысль развивает В.А. Лукин: «интертекстуальные экскурсы читателя-интерпретатора <...> при успешном их завершении приводят не просто к восстановлению целостности текста, но и к его обогащению» [6, 111].

Говоря об интертекстуальности, чаще всего имеют в виду текстовые включения, но они могут быть и кодовыми или языковыми. «Так называются включения иностилевой специфической лексики или, реже, грамматических форм, характерных для тех или иных функциональных стилей» [2, 369]. Кодовая интертекстуальность может быть представлена, в том числе, включениями слов и фраз на иностранных языках. На наш взгляд, кодовая интертекстуальность онтологически ближе теории речевых жанров и концепции диалогичности М.М. Бахтина, чем более эксплицитная текстовая интертекстуальность, проявляющаяся во включении в текст маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменённых фрагментов других текстов. М.М. Бахтин называет речевыми жанрами относительно устойчивые типы высказываний, выработанные различными сферами использования языка; их «богатство и разнообразие» необозримы: «короткие реплики бытового диалога», бытовой рассказ и письмо, короткая военная команда и развёрнутый приказ, «многообразные формы научных выступлений и все литературные жанры (от поговорки до многотомного романа)» [4, 159-160]. Представление о различных типах высказываний живёт в сознании носителей языка и руководит ими

в процессе порождения речи. Кроме того, национальный язык в каждый момент своего исторического существования внутренне раслоен «на социальные диалекты, групповые манеры, профессиональные жаргоны, жанровые языки, языки поколений и возрастов, языки направлений, языки авторитетов, языки кружков и мимолётных мод, языки социально-политических дней и даже часов» [3, 76]. Таким образом, художественно организованный текст (публицистический – в нашем случае) неизбежно являет собой социальное и жанровое разноречие, разноязычие, разноголосицу. При этом проблема языковой интертекстуальности, по нашему мнению, остаётся недостаточно изученной.

К примеру, И.Л. Абанина при изучении языковой интертекстуальности на материале аналитических статей англо-американских газет ограничивается рассмотрением слов и выражений на иностранных языках [1].

У В.Е. Чернявской иноязычные и иностилевые вкрапления получают различные обозначения. Опираясь на работы немецких лингвистов С. Хольтуис, М. Пфистера, Б. Зандиг, она разрабатывает понятие системно-текстовой или прототипической / типологической интертекстуальности, подразумевающей «типологическую открытость текстов одного функционального стиля, типа, класса друг к другу, или их системнотекстовую открытость» [10, 63]. Текст с вкраплениями иноязычных элементов автор характеризует как поликодовый, однако это понятие значительно шире и обозначает «явление текстовой гетерогенности на уровне формы, достигаемой через соединение различных семиотических систем» [10, 97], в том числе вербальной и визуальной. В.Е. Чернявская предпочитает термин «поликодовый текст» как более точно передающий суть изучаемого феномена, в отличие от терминов «креолизированный текст» или «полимедиаальный текст».

Е.Г. Воскресенская при анализе маркированных интертекстуальных включений в произведениях И. Во выделяет 3 вида: 1) собственно интертекстуальные – отсылают исключительно к литературным источни-

кам; 2) интермедиаальные – подразумевают использование выражений, относящихся к разнообразным сферам человеческой деятельности (архитектура, кинематограф и т.п.); 3) интердискурсивные – реализуются посредством употребления иноязычных или иностилевых слов или фраз (например, сленга) [5]. Очевидно, что последний выделенный вид включений по определению совпадает с кодовыми.

Е.В. Стырина на стыке теории интертекстуальности и нарратологии разрабатывает понятие имитационного интекста, под которым понимается «включение, обладающее относительной целостностью и самостоятельностью, заимствующее черты и функции жанров, отличных от жанра включающего их текста» [9, 1]. Описываемое явление следует отличать от цитирования, поскольку имитационный интекст придуман самим автором, но ориентирован на реально существующий прецедентный жанр.

В свою очередь, назовём кодовыми интертекстуальными включениями (интекстами) 1) имитацию или использование элементов стиля или жанра, отличного от стиля или жанра принимающего текста; 2) использование «не освоенных принимающим языком и потому непонятных для большинства его носителей иноязычных элементов» [7, 129]. Рассмотрим на примере заголовков французских газет, каким образом кодовая интертекстуальность реализуется в публицистическом тексте и увеличивает его неаддитивную цельность. Отметим, что текстовая интертекстуальность в газетных заголовках представлена значительно шире: число выявленных примеров текстовой интертекстуальности превосходит число кодовых интертекстуальных включений более чем в два раза. Тем не менее явление кодовой интертекстуальности существует, опознаётся читателями и достойно внимательного изучения.

Проанализированные нами 109 примеров кодовой интертекстуальности распределились между двумя подгруппами почти поровну (54 и 55 соответственно). Ядро первой группы составляют заголовки, имитирующие

разговорный стиль речи. Их характерными чертами являются:

1) наличие стилистически сниженной лексики: *Google prêt à planter la Chine* («Libération», 18.03.2010). Глагол *planter* помимо нейтрального значения ‘сажать’ имеет также разговорное: ‘внезапно бросить, покинуть что-либо, кого-либо’. Заголовок сообщает о намерении крупнейшей информационно-поисковой системы Гугл закрыть свой китайский сайт в знак протеста против взлома почтовых ящиков китайских диссидентов и цензуры, ограничивающей для китайских пользователей доступ к сайтам с правозащитной информацией;

2) отображение разговорного произношения (*style familier*) графическими средствами: *P'têt' ben que «ça va être ric-rac»* («Libération», 05.03.2010);

3) имитация разговорного синтаксиса, например, опущение безличного местоимения-подлежащего *il*: *Là où y a des ex, y a d'la gêne* («Libération», 29.04.2010);

4) наличие междометий: *Chut! la Chine devient la deuxième puissance économique mondiale* («Libération», 15.02.2010);

5) обращения, свойственные диалогу: *Non, ma fille, tu n'iras pas danser* («Libération», 09.08.2011).

Остальные заголовки первой группы апеллируют к разнообразным речевым ситуациям, в которых читатель оказывается в течение жизни. Используемые модели отличаются разной степенью продуктивности. Наиболее востребованными оказываются традиционный сказочный зачин «*il était une fois*»: *Microsoft : il était douze petits navigateurs...* («Libération», 24.02.2010); предупреждение о вреде курения на сигаретной пачке: *Fumer nuit gravement à l'ADN* («Le Figaro», 17.01.2011); лозунги: *Adolescent, connais tes droits!* («Libération», 14.05.2010); *Historiens et écrivains, unissez-vous!* («Le Monde», 12.06.2011).

Художественная литература и театральные постановки рисуют нам грабителей, встречающих своих жертв фразой «Кошелек или жизнь?» (*La bourse ou la vie?*). Идея выбора сохраняется и в производных заголов-

ках: *Le cake ou la vie* («Libération», 20.10.2009); *Larve ou la vie* («Libération», 30.04.2010).

Заголовок статьи, имитирующий объявление, «*Elèves cherchent profs*» («Libération», 17.02.2011) привлекает внимание читателя к проблеме образования. Франция рискует стать обладательницей удручающего рекорда: уровень обеспечения учеников преподавателями неуклонно снижается. Продолжая «школьную» тему, прокомментируем следующий заголовок: *Bilan d'un an de présidence: «un solide B+»* («Libération», 20.01.2010). В конце первого года президентского срока Барак Обама подводит итоги своей работы и на рождественской передаче Опры Уинфри ставит себе оценку «un solide B+», что эквивалентно оценке от 15 до 20 по французской двадцатибалльной системе (поясняется в статье), или «очень хорошо» – по русской.

Математическую формулу сложения напоминает заголовок: *Vin plus vin égale chute de la consommation* («Libération», 18.07.2011), а статья, озаглавленная «*Les droits d'auteur: attention, fragile!*» («Le Monde», 10.06.2011), вызывает ассоциации с промышленной маркировкой на упаковке с хрупким содержимым. Отдельные заголовки отсылают читателя к театральной сфере: *Anne Ubersfeld, Dernier acte* («Libération», 03.11.2010). Так озаглавлен некролог, посвящённый Анне Юберсфельд, почётному профессору Сорбонны, теоретику и историку театра.

Конструкции, уместные на спортивной полосе, вызывают интерес в разделе «Земля» или «Политика». Например: *Thon rouge: 1-0 pour le Japon* («Libération», 19.03.2010): после упорного лоббирования Япония добилась отмены запрета на импорт тунца, выловленного в восточной Атлантике и Средиземном море. Двойное значение приобретает выражение *à vos marques!* – «приготовьтесь! на старт!» в заголовке «*2012: à vos marques...*» («Libération», 09.04.10). Речь идёт о подготовке французских политиков к предвыборной кампании 2012 г. Они спешат зарегистрировать доменное имя, содержащее их фамилию, и дату выборов, чтобы впоследствии использовать сайт для предвыборной агита-

ции. Их поспешность (статья опубликована в 2010 г.) вполне оправданна, поскольку в сети Интернет существует практика приобретения доменных имён, созвучных названиям известных компаний, для их перепродажи. В президентской гонке имя кандидата легко может превратиться в торговую марку и стать объектом торговли.

Французская пресса всегда отличалась свободомыслием и позволяет себе ироничное отношение к власти. Заголовок «*Nicolas Ier, saison IV sur la cote d'amour*» («Libération», 08.01.2011), на первый взгляд, имеет отношение к телевизионной сфере и навеян многочисленными сериалами, которые принято разделять на сезоны – следующие друг за другом эпизоды, объединённые по определённому принципу, как правило, по дате выпуска. Ирония заключается в сравнении президентского срока Н. Саркози с сериалом. При этом в самой статье говорится о серии сатирических книг Патрика Рамбо, первый том которой увидел свет в 2008 году: «Хроника царствования Николая I» (*Chronique du règne de Nicolas Ier*). Последующие издания названы соответственно *Второй*, *Третьей* и *Четвёртой хроникой: Quatrième chronique du règne de Nicolas Ier*. К тому же П. Рамбо известен как мастер пародии, и название его тетралогии – парафраз заглавия исторического романа Проспера Мериме «Хроника царствования Карла IX» (*Chronique du règne de Charles IX*). Таким образом, общий элемент *Nicolas Ier* позволил журналисту не только связать заголовок с предметом статьи, но и реализовать собственную идею.

Обратимся ко второй группе кодовых интертекстуальных включений. Для начала их следует разделить на маркированные и не маркированные. Графические маркеры (кавычки) выполняют двойную функцию. С одной стороны, они указывают на степень «чужеродности» включения: *Les «indignados» découvrent les débordements* («Le Monde», 17.06.2011), *A Madrid, les «indignados» sont de retour* («Libération», 25.07.2011). С другой, кавычки выделяют слова, употреблённые с оттенком иронии либо в необычном значении:

Le «tsar» de Moscou congédié par un oukase de Medvedev («Libération», 29.09.2010).

Функционально оправданное использование иноязычных элементов составляет основу макаронического стиля [7, 130]. В соответствии с языковыми уровнями выделяют три разновидности варваризмов:

1) Морфемные варваризмы – слова, созданные с использованием иноязычных морфем. К примеру, заголовок статьи, посвящённой деятельности Сеголен Руаяль, содержит окказионализм, созвучный имени главы региона Пуату-Шарант, и состоит из его первой части *Ségo-* и суффикса *-land* [lænd] германского происхождения, который входит в состав названий многих стран и административных единиц: *Ségo-land, le pays enchanté* («Libération», 04.12.2009). Однако кажущееся очевидным сравнение региона, возглавляемого С. Руаяль, с волшебной страной после знакомства с текстом обретает ироническое звучание. Оно создаётся посредством кодовой интертекстуальности и использования образов и элементов сказки. Первый абзац написан с соблюдением традиционных для сказки синтаксических конструкций, а С. Руаяль отождествляется с феей Мелюзиной (*fée Mélusine*): *Il était une fois un paisible hôtel de région, niché au cœur de la bonne ville de Poitiers*. По мнению журналиста, несмотря на взмахи политической волшебной палочки (*les coups de baguette politiques*) и практикование словесной магии (*une entraînant magie du verbe*), действия «мадам президентши» («*Madame la présidente*») рассчитаны на внешний эффект («*Il y a pas mal d'idées un peu tape-à-l'œil*»).

Интересен заголовок *Usurpateurs d'identwitté* (Libération, 07.10.2010). Паронимасия сближает термин *l'usurpation d'identité* («незаконное использование персональных данных человека с целью мошенничества») и название сервиса микроблогинга *Twitter*, который, как и другие социальные сети, изобилует поддельными учётными записями знаменитостей: актёров, музыкантов, политиков.

2) Лексические варваризмы – иноязычные номинативные единицы. В статье «*Les «riot songs» ou la contestation en chansons*» («Libéra-

tion», 09.08.2011) представлен обзор песен, выражающих протестные настроения, призывающих к бунту: от родоначальника подобной тематики в музыке британской панк-рок-группы «The Clash», выступившей в 1977 году с безудержно агрессивной песней «White Riot», отвечающей настроением, царившим в английском обществе после столкновений полицейских и выходцев с Антильских островов во время карнавала в Ноттинг-Хилле в 1976 г., до современных коллективов разных стилей и жанров. Объединяет их присутствие в названии группы или песни слова *riot* – англ. бунт; восстание, мятеж.

3) Синтаксические варваризмы – фразы или их части на иностранном языке. Используя выражение на английском языке *I love you*, с помощью которого признаются в любви, ведущий кулинарной рубрики в газете «Libération» возносит хвалу незаменимому ингредиенту множества блюд – чесноку, который по-французски произносится [ɑ], почти так же, как и местоимение *I* («я» по-английски) – [aj]: *Ail love you* («Libération», 02.09.2010).

Несомненно, игра с иностранными словами присутствует и в интекстах, отсылающих к реальному источнику, в таких случаях сложно разграничить текстовую и кодовую интертекстуальность. Например, вследствие замены модального глагола *should* [ʃud] на существительное *shoes* [ʃu:z] (англ. мн. ч. туфля; полуботинок) в названии песни «*Should I Stay or Should I Go*» уже упоминавшейся группы «The Clash» разрушается грамматическая структура фразы: *Shoes I stay or shoes I go?* («Libération», 11.12.2009). Благодаря многочисленным интерпретациям, написанная в 1981 г. песня остаётся популярной до наших дней и прочно ассоциируется с панковской культурой, как и обувь английской марки *Dr. Martens*, пятидесятилетие которой посвящена статья. Таким образом, заголовок построен на ассоциативных связях: ключевыми элементами здесь выступают слово *shoes* и узнаваемая песенная строка.

В отдельных заголовках присутствует кодовая интертекстуальность двух типов. В фор-

ме призыва написан заголовок, содержащий английский глагол *customise* – “переделывать, подгонять”: *Musulmane de France, customise ta burqa!* («Libération», 25.05.2010). В заголовке, имитирующем научное название человека как биологического вида на латинском языке, чужеродным выглядит именно французская основа *prudhomme*- (*prud'homme*): *Homo prudhommus* («Libération», 04.09.2010).

Проведённый анализ показал присутствие кодовых интертекстуальных включений в современной французской прессе. Они создают разнообразные стилистические эффекты, углубляют смысл заголовка и упрочивают его связь с текстом, что подтверждает наше предположение о присущей публицистическим текстам семантической неаддитивности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абанина И.Л. Специфика интертекстуальных связей в аналитическом жанре газеты (на материале аналитических статей англо-американских газет): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 21 с.
2. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. ст. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 445 с.
3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 502 с.
4. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. 732 с.
5. Воскресенская Е.Г. Интертекстуальные включения в произведениях И. Во: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 18 с.
6. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Ось-89», 2009. 560 с.
7. Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 168 с.
8. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности: Пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
9. Стырина Е.В. Имитационный интекст как инструмент интертекстуальности (на материале англоязычного рассказа): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 18 с.
10. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.